

Я ОСТАЮСЬ

Мелодия для флейты и виолончели

12+

Юлия Добровольская

Юлия Добровольская

Я остаюсь. Мелодия для флейты и виолончели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31724032

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2352-6

Аннотация

Катя – художник, человек ранимый, со сложным характером. Она почти не живёт дома, путешествуя по стране с этюдником. Её возлюбленный, Гарри, тоже непростая личность, и отношения их не назовёшь безоблачными. Вернувшись в очередной раз, Катя объявляет сестре, Лере, что многое поняла, что остаётся в Ленинграде и хочет завести семью. Всего Лера не успевает узнать: Катя и Гарри погибают в автокатастрофе. Последние слова Гарри звучат, как завещание: любите, только любовь имеет смысл. Лера знакомится с отцом Гарри, общее горе сближает их, между ними завязывается дружба...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

37

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинает виолончель.

Голос её – пурпурный сафьян в мерцании свечи.

Тягучие, медлительные звуки.

Они едва слышны,

*словно обитают в самой последней комнате
длинной-длинной анфилады.*

"ПРИЛЕТАЮ В САНКТ ПЕТЕРБУРГ В СУББОТУ
УТРОМ УЖАСНО СОСКУЧИЛАСЬ ОБНИМАЮ И ЦЕ-
ЛУЮ = ТВОЯ КАТЯ"

Такую телеграмму получила Лера в пятницу.

Выходя из лифта, она столкнулась с заспанным борода-
тым юношей. Он заглянул в клочок бумаги и спросил:

– На каком этаже двадцать пятая, будьте любезны?

– На седьмом.

– Спасибо.

Наверняка, студент, которому приходится продавать свой
сладкий утренний сон за гроши разносчика телеграмм, по-
думала Лера, и тут до неё дошёл смысл их короткого диало-
га. Да это же моя квартира – двадцать пятая!

Она кинулась назад к лифту, но тот уже останавливался где-то наверху, вероятно, на седьмом. Лера нетерпеливо нажала на кнопку вызова несколько раз, будто это могло ускорить его прибытие.

Поднимаясь в ужасно медленном старом лифте, она сообщила, что проще было бы дожидаться студента внизу. Хотя, нет, так будет всё же быстрее. На полминуты, но быстрее... А вдруг он решит спуститься пешком?..

Нет, вон стоит перед дверью и терпеливо ждёт, когда ему откроют, и вертит в руках сложенный вчетверо листок. Лере хотелось схватить его прямо через решётку: что в телеграмме?!

Сонный студент не сразу понял, что с ним собираются сделать, а Лера тянула его в лифт.

– Это же мне. Мне телеграмма. Двадцать пятая – это моя!

– Что ж вы сразу не сказали? – И он полез в карман за карандашом. – Документы у вас есть?

– Да я Валевская! Из двадцать пятой! – Лера пыталась выхватить заветную бумажку из рук флегматичного бородача.

Тот вдруг рассмеялся и сказал:

– Ну Валевская, так Валевская. Распишитесь вот тут.

Лера распечатала телеграмму и вцепилась глазами в текст. Несколько мгновений она не могла уловить смысла – сбивало с толку обилие слов, среди которых она полуосознанно искала какое-нибудь страшное, несущее несчастье...

Так бывало всегда, когда она получала телеграмму. Даже письма она раскрывала с опаской и пробежала сперва глазами по строчкам, ища только одного – знака беды. Она не смогла бы сказать определённо – откуда это. Может быть, из того давнего праздничного утра, когда разряженные мама и папа дарили ей подарки.

* * *

Что был за праздник – чей-то день рождения или Новый Год, она не помнит, но то, что это было воскресенье, Лера знает наверняка. Только по воскресеньям она просыпалась от шершавого воркованья ручной кофейной мельницы, вслед за которым к ней за занавеску проникал сказочный аромат свежесмолотого кофе, смешанный с самым восхитительным на свете запахом – запахом папиного одеколона. Только по воскресеньям папа брился не механической – заводной, а "опасной" бритвой, для чего он раскладывал в ванной свой "несессер" с бритвенными принадлежностями, взбивал в густую пену маленькую мыльную таблеточку в специальном тазике, смачивая кисточку в специальном стакане с горячей водой, и покрывал ею лицо. Иногда и Лере доставалось на нос по её настоятельной просьбе – в случае, если она не валялась в постели, как в тот раз, а присутствовала при священнодействии с самого начала и до того момента, когда папа, кряхтя и рыча, похлопывал себя по лицу ладонями, смоченными тем самым одеколоном, и поручал Лере

"тушить пожар". Она никак не могла разглядеть пламени, как ни старалась, но тем не менее, добросовестно дула изо всех сил на папины щёки.

В то утро всё было просто замечательно. Невыносимо замечательно! За окном огромными хлопьями шёл снег. Счастливые мама и папа веселились не меньше своей дочери. А главное – не было войны, и можно было ничего не бояться. Ни-че-го!

В дверь постучали. Папа бросился открывать и тут же вернулся с телеграммой в руке. Он размахивал ею и приговаривал: "Кто отгадает – от кого?" Мама подпрыгивала вокруг, перечисляя всех друзей и родственников, и, наконец, ей удалось завладеть голубой бумажкой. Кружась и хохоча, она развернула её. Это было сообщение о смерти дедушки – папиного папы.

* * *

Только поняв, что ничего страшного не случилось, Лера стала читать текст по слогам.

Бородач теребил её за руку, прося расписаться в получении. Лера поставила закорючку и снова попыталась вникнуть в смысл послания.

Ну конечно, Катька! Нормальный человек уложился бы в два-три слова. Как будто Лера не поняла бы, кто и куда прилетает! Транжирка! Ведь наверняка, в кармане остался в

лучшем случае рубль, чтобы доехать из аэропорта, присоседившись к кому-нибудь. А то и рубля нет. Но её и за так довезут. До самого парадного. Да ещё и вещи готовы на седьмой этаж тащить – только прикажите! Кто же посмеет оставить в беде эти фиалковые глаза! Это чудо, перемотанное шальями-кистями, с двухпудовым этюдником на одном плече, с огромной сумкой – размером с бочку – на другом; в кирзовых ботинках и неизменных джурабах до колен – память о "Кавказском периоде". Да не каких-то там магазинных, а самых что ни на есть единственных и неповторимых. Это ей знаменитая мастерица вязала – за красивые глаза, разумеется, ну или за свой портрет.

Катька, чучело моё огородное!..

Лера скучала. Хотя и привыкла за восемь лет к её постоянному отсутствию. Нет, не привыкла – смирилась. К одиночеству невозможно привыкнуть. Даже за сто лет.

А кроме Катьки у Леры никого не было роднее и ближе. Мама умерла вслед за папой, когда Катька училась в седьмом, и осталась Лера сестре за маму. Тридцатилетняя мама пятнадцатилетней дочери. Замуж она к тому времени ещё не успела выйти, роясь в исторических архивах времён декабристов – мамино наследство, а после уж и вовсе некогда было. Но она не жалеет: не встретился такой, с которым обо всём забыть можно, а другого и не надо. И Катька вон не спешит. В её тридцать два иные уже не по разу сходят туда и

обратно, а эта – дитя-дитём: романтику ей подавай! Ей муж нужен – чтоб и отцом и матерью стал. Найди сейчас такого – каждый сам норовит сыночком пристроиться...

Ой! Чуть пробку не устроила! Не заметила, что красный уже загорелся. Стой теперь посреди двух ревущих лавин. У неё голова кружится, когда вокруг такое сумасшествие!

Ладно. Сегодня – пятница. Надо в обед вынырнуть в кафешку за углом – икры попросить, хоть на пару бутербродов для Катьки. Вот ведь замашки у паршивки! Говорит, с эмбрионального периода своего развития вкус помнит. Лера-то знает, как мама ложками ела красную икру, когда с Катькой ходила – ей брат, дядя Валентин, с севера трёхлитровыми банками привозил: сам ловил, сам солил, – а как Катьку родила, смотреть больше не могла, даже на нераспечатанную заводскую банку...

Откуда она летит-то? Новогоднее поздравление пришло из Красноярска, теперь – март. Лера на ходу вынула телеграмму: Москва. Что она там делает? Долго ли? Ну да ладно гадать – прилетит, расскажет.

Восемь лет мотается. Весь Союз, как Питер – до последнего уголка обшарила. Раз в полгода-год заглянет на пару недель – и понеслась опять, куда глаза глядят, да куда билеты будут...

Папа рассказывал: его дедушка – польский шляхтич – весь мир исколесил, не сиделось ему в своём имении среди дубрав да озёр. Катька – в него...

Ещё торт испечь надо. "Мамин" наполеон. Традиция – никуда не денешься, фамилия обязывает. Ну и возни с ним! На весь вечер, а то – и до ночи. А есть его можно будет только через сутки по маминым правилам. Но с Катькой этого не получается. Перед ней вообще никакие правила устоять не способны.

Что ещё? Кофе есть немного – нежареные зёрна, Катька сама его жарит, колдует с прищёптываниями. Говорит, один турок в Крыму научил. И чтоб молоть – только на ручной мельнице! Да, кофе – это тоже из "Крымского периода"...

Чем бы ещё побаловать дитя? Сервелат так сразу не купишь. Попросить бы Клару Семёновну из соседнего отдела – у неё дочка в интуристовском ресторане работает.

Надолго Катька? А вдруг насовсем? Лера каждый раз ждала её с этой надеждой...

Чуть не забыла! Перловка в доме есть? Надо купить на всякий случай. Это у нашей аристократки замашки такие: красная икра и перловка! Правда, эту кашу ещё сварить уметь надо. А Леру папа научил. Даже гречка по сравнению

с этой кашей – детский лепет, вроде манки.

Ну, кажется, всё. Для начала хватит...

Ах, да! Вот ещё что. Возможно, самое главное. Говорить Катке или нет?..

* * *

*Виолончель чуть слышнее,
но, по-прежнему, в одиночестве.
На пурпурный сафьян
упала горсть гранатовых бусин:
глубинным светом переливаются звуки.*

На днях Лера любопытствовала в гастрономе: за чем очередь? Давали кагор Чу-Май. Их с Каткой любимый Рабингранат Кагор. Лера терпеть не могла очереди и поэтому расстроилась. Она развернулась и стала протискиваться к выходу. Вдруг кто-то остановил её, взяв за локоть.

– Здравствуйте... Валерия Александровна.

Голос она узнала сразу.

– Здравствуйте, Гарри Анатольевич.

Чуть позже, выбравшись на свободный пяточок, они сверкнули друг другу очками в очки и улыбнулись. Не то чтобы обрадовавшись встрече, а просто – вежливо. Или чуть теплее, чем просто вежливо.

– Вы х-хотели?.. Я стою близко.

– Да. Если, можно...

– Сколько?

– Одну... Если возможно – две.

– В-возможно. Подождите, я скоро.

Говорил Гарри, как рубил. Вероятно, за этой манерой он прятал своё лёгкое заикание.

Минут через десять он уже выходил из стеклянных дверей со своей неизменной потрёпанной кожаной сумкой на плече, слегка разбухшей от содержимого.

– Я провожу.

– Спасибо. – Лера невольно перенимала ту же отрывистую манеру в разговоре с ним.

Глупо, конечно, что они с ним "на вы". Хотя, как сказать. Катки он младше... лет на пять, кажется. Сало быть, её – Леры – аж на двадцать. Да уж! Вот такой сынок мог бы быть...

А выкают они друг другу после одного крутого разговора, года четыре назад.

– Что, простите? – Гарри о чём-то спрашивал, Лера уловила только вопросительный знак.

– Екатерина Александровна, говорю, к-как?

– Последнее – с Новым Годом. Телеграмма.

– У меня пос-свежее – с восьмым марта.

– Тебя?.. Вас с восьмым?

– Н-неизменно-с. Ежегодно-с.

Это рассмешило Леру.

– Но почему... с восьмым марта?

– Говорит, я ей вместо мамы.

Лера могла бы обидеться, если бы умела это делать, а тем более, в отношении Катьки... И всё же... Её – почти мать – не поздравила.

У подъезда Гарри переложил в Лерину сумку три бутылки с красивыми красными этикетками, усыпанными кучей медалей. Последнюю он сопровождал словами:

– От меня Ек-катерине.

Лера заволновалась:

– Она что, приезжает? Т-т... Вы что-нибудь знаете?

– Только одно – когда-нибудь п-приедет. Деньги – потом.

П-позвольте откланяться.

Следовало бы пригласить его в дом. Он не пошёл бы. Но хоть из приличия... А Лера стоит, как изваяние. Он явно парализует её волю. Может, и с Катькой у него так же?..

Звонить или не звонить? Нет, не буду.

А может быть, Катька и ему телеграмму дала? Тем более, не звонить. Полный и безоговорочный нейтралитет! Слишком хорошо Лера помнит это его "не в-вмешивались бы, м-мамаша!"

Тогда он был взбешён. Правда, сочетание двух понятий "взбешён" и "Гарри" столь же нелепо, как, например, "пылающий" и "лёд". Но нужно знать Гарри Анатольевича...

И с тех пор – "на вы".

Лера не злопамятна. Совсем наоборот. Но тут не может. Если бы хоть он первый...

Да ещё этот его гипноз. Честное слово – настоящий столбняк. У Леры только и хватает воли, что отвечать на его вопросы. Так же односложно, как он их задаёт.

Сколько она его помнит – лет шесть уже – он всегда был такой. Только чуть петушистости поубавилось. Да причёску сменил: с "нуля" – на длинный хвост, перетянутый резинкой. А его береты, длинные шарфы и свитера только цвет меняли. Хотя к его манерам больше подошёл бы чёрный костюм на все пуговицы и белая рубашка с галстуком. Манекен. Робот. И глаза ледяные...

Ну, вообще-то, глаза у него красивые. Прозрачно-глубокие зелёные – "чистый изумруд" – в тёмных пушистых ресницах. Под такими же тёмными насупленными бровями. Только холодные ужасно. И смотрят всегда в себя. А ты в них – как в зеркало: только и видишь, что своё отражение.

Правда, иногда Лере казалось, что стоит только протянуть к нему руку и коснуться его щеки, как этот вековой лёд превратится в испепеляющую лавину... Дальше Лера не решалась фантазировать – это было чревато лёгким головокружением, а у неё вестибулярный аппарат слабоват... Пусть Кать-

ка экспериментировать.

Как они с Катькой ладят – это для Леры великая неразгаданная тайна. Как могут ладить необузданная стихия и каменная стена? Понятное дело – кто-то об кого-то разбивается. Или он с Катькой другой?..

Лера ничего не знала об их отношениях. И не спрашивала. Катьку ни о чём и спрашивать не надо – сама всё в своё время выложит. Но вот о нём – никогда. Ни-че-го. Только кинет сумку на плечо после первого же звонка, глянет виновато – вот-вот слёзы оборвутся с ресниц, помадой Лериной на зеркале телефон напишет, и – пошла: "Ну Лерочек, ну прости..."

Через два-три дня появится на вечерок вместе с ним – на кашу перловую или пирог с грибами, и снова нет её. Проходит две недели, три. В один прекрасный день заявляется Катька, размазывает по зеркалу номер телефона, долго плачет в прихожей взахлёб, сидя на тумбочке, свесив руки плетями – так и не сказав ничего ни разу. Наутро собирает свои пожитки – и была такова. Остаётся после неё рулон исписанных холстов, связка этюдов на картонках, фанерках – на чём попало, да измазанное помадой зеркало. И ещё ком в горле у Леры...

* * *

Лера с трудом открыла тяжёлые двойные двери. Обе руки заняты пакетами. Не раздеваясь, она отнесла их в кухню. Потом заперла дверь и отряхнула с воротника и шапки сугробы пушистого снега.

Только бы погода не помешала – второй день снегопад непролазный. Красиво, конечно. А Катька как его любит! Только не завтра, пожалуйста!..

Сегодня Лере невероятно повезло – купила всё, что хотела. Даже батон сервелата финского. Это в рыбной-то кафешке! И лимонов кило – да почти без очереди.

Первым делом – за наполеон! Замесить тесто – и в морозилку. А тем временем порядок навести. Хотя, у неё и так всегда порядок. Пока Катьки в доме нет. В этом смысле Лера предпочла бы беспорядок...

Она вошла с тряпкой и пылесосом в Катькину комнату. Вид, конечно, нежилой – слишком всё аккуратно разложено и расставлено. Ничего, приедет сестрица – вдохнёт жизни. Она, правда, свою комнату не очень любит и спит у Леры на полу, на надувном матрасе – привычка походной жизни и возможность поболтать до полуночи, пока сон не сморит. Хотя, таких ночей выпадает немного: две, три. Пока не раздастся звонок с другого конца Ленинграда и металлический голос в трубке не произнесёт так чётко, что через стенку слышно: "Ты уже в Питере? С-собирайся, я выезжаю."

Это значит, что всё, о чём не рассказано, так и останется

не рассказанным, а побледневшая Катька, все дни ждавшая этого звонка, этого "с-собирайся", как механическая кукла, побросает что-то в сумку без разбора, "Ну Лерочек, ну прости..." – и нет её. Что это – любовь?

Странная, должно быть, это штука, в таком случае.

Было однажды в Лериной жизни нечто подобное тому, что описывается в романах. Но была ли то любовь? Если рассудок берёт верх над чувствами, можно ли такие чувства называть любовью?..

У Катьки явно безрассудство доминирует. Ещё бы! Мотаться по полгода-году невесть где, влюбляться без памяти – именно так, не иначе, у неё всё на пределе! – в чьи-то руки, губы, глаза, голос... Причём, всё это по отдельности в каждом отдельном случае. Влелеивать в себе эту умопомрачительную страсть ровнёхонько до того момента, когда она – эта страсть – уже неуправляемая, изливается ушатом холодной воды, точнее, крутого кипятка, на голову ничего не подозревающего владельца этих самых рук, губ и так далее. Выждав момент, когда он – владелец – приходит в себя от неожиданно свалившегося на его руки-губы счастья и берёт курс на скорейшее подведение логического итога, именно в этот момент бросить всё: одуревшего обладателя неопишемого сокровища, божественный пленэр, неоконченную работу, – и нестись через горы и доли, бездорожье и безбилетье в этот суровый, угрюмый, словно обременённый страшной

тайной, город. Примчаться и замереть. Замереть и ждать. Это и есть – любовь?..

А вот и он – принц её души. Акварельный портрет под стеклом. На тумбочке у изголовья.

Катка почти не работает акварелью. Больше маслом или гуашью. Странно, почему Гарри Анатольевича – и акварелью?

Если бы Лера решила изобразить его, она использовала бы для этого кусок рельса. Прямой кусок холодного рельса – и всё! "Портрет возлюбленного моей сестры в полный рост". Она не знала только, что делать с его зелёными глазами. А Катка как с ними расправилась?

Лера достала из кармана очки и взяла рамку в руки. Очень даже его глаза. Такое ощущение, что коснись только его щеки рукой...

Рамка разлетелась – разошёлся уголок. Лера сходила за клеем и стала собирать рассыпавшиеся части. Прилаживая стекло с листом к задней дощечке, она вдруг увидела надпись карандашом на обратной стороне портрета:

*Когда глаза его печальны,
они похожи на замёрзший пруд,
на инеем покрытый изумруд,
на виноград в снегу нечаянном...*

И в самом низу, очень мелко: "Я люблю тебя, а ты боишься любви. И так будет вечно."

Бедная моя девочка!

Интересно, как этот кусок бесчувственной железки узнаёт о Катькином приезде? Чутьё срабатывает? Или агентура? А может, он, получив телеграмму, нарочно выматывает её по несколько дней? Садист!

Бедная моя девочка...

Ну вот, и в Катькиной комнате ни пылинки. И картинная галерея пополнилась несколькими работами из предыдущей поездки.

Лера очень тщательно отбирает, что повесить на стену – места остаётся всё меньше и меньше. Потом заказывает рамки. Остальное аккуратно, по всем правилам, складывает в "запасники" – коробка с перегородками. Их сделал Гарри Анатольевич. Ещё когда был просто Гариком.

Сама Катька совершенно не интересуется дальнейшей судьбой своих картин. Только порой замечает Лере, что вот это она бы не повесила, и вот это... Но менять экспозицию у неё нет ни желания, ни времени. Ну и ладно, всё равно, кроме Леры да изредка заходящих в гости родственников, некому на всё это любоваться.

* * *

Проснулась Лера сама, без будильника. Двадцать минут

восьмого – на час позже, чем обычно.

Провозилась с наполеоном до половины второго, думала, уснёт, как убитая. Ничего подобного: час с лишним проворочалась и спала ужасно. Не отдых, а непрекращающийся кошмар на тему Катькиного приезда.

То она встречает Катькин самолёт, а её там нет. Выясняется, что она приехала поездом. Лера несётся домой на такси – у Катьки же нет ключей! У дома оказывается, что ей нечем расплатиться с таксистом – она потеряла кошелёк. Нужно снова в аэропорт, чтобы его найти. Но тем временем Катька может, не застав Леру дома, уехать. Таксист требует расплаты и уже несётся назад в аэропорт. Лера умоляет его остановиться и подождать – она только напишет сестре записку...

Потом снится, что Катька спускается с трапа в одиночестве. Вокруг – ликующая толпа приветствует её. Лера пытается пробиться к трапу, но её не пускают. Она кричит, что это её родная сестра, и зачем-то показывает паспорт. Патруль листает паспорт и не находит никаких доказательств Лериным словам. Лера плачет от бессилия: но было же! было там написано! Она сама перелистывает страницы, они не поддаются. Вот, наверняка, на этой, но её никак не перевернуть... Ей советуют привести родителей. Конечно же! Как она сразу не догадалась! Бегом за мамой! А можно только маму? Папы нет, он в Воркуте, в лагере – за то, что бросал в царя бомбу. Да что же это? Лера всё перепутала: в Воркуте не папа, а дядя Валентин, и не в лагере, а работает, журна-

листом. А мама? Где мама? Когда Лера выходила из дому, мамы не было. Где же её искать?.. Мама! Мама!..

И что-то ещё, и что-то ещё...

Каждый раз Лера просыпалась в ужасе и подолгу не могла заснуть. Были бы таблетки какие-нибудь в доме, но она не держит ничего, кроме цитрамона и антигриппина. Кстати, в анигриппине есть димедрол. Ладно, не засну за полчаса – пойду выпью...

Что же это такое? Никогда ещё она так не встречала Катю.

Свет за шторами ободрил её, заставив отогнать от себя всю эту ночную чепуху. Неужели солнце на улице? Пора бы! Март кончается.

Лера откинула тяжёлые портьеры. Нет, небо пасмурное. Но не свинцовое, как накануне, а золотистое. И снегопад прекратился. Тяжёлые лепёшки опадают с ветвей, на тротуарах каша жёлтого цвета. Лера любит это месиво из песка и талого снега, чавканье, доносящееся снизу из-под ног прохожих, из-под колёс транспорта. С детства этот шум приятно будоражит её. Возможно, потому, что это шум оттепели, шум весны. В детстве к нему по вечерам примешивались звуки музыки с соседнего катка, вливающиеся в открытые форточки на волнах влажного воздуха...

Шторы и форточку – нараспашку! На проигрывателе – запиленная добела "Шарпс энд флэтс". Лёгкая разминка. Потом – на кухню. Вымоченную перловку – в духовку. Быстро под душ, дверь не закрывать – а то можно не услышать звонка в дверь. Вот ведь противная девчонка – нет, чтоб номер рейса сообщить, или хотя бы приблизительное время. Утром!.. У неё утро и в час может случиться.

Сначала горячий, потом – холодный. Бр-р-р! Замечательное изобретение – душ! А вот Каткино изобретение: в торце ванны – зеркало в полный рост с нарисованным на нём несмываемой краской контуром фигуры, в который нужно вписаться, встав между двух меток на бортиках ванны. Над зеркалом надпись: "не превышай габаритов!" Габариты у них с Каткой одни, только та чуть выше. Сорок четвёртый размер в сорок семь лет – это не всем удаётся. Неужели сорок семь?.. Катке тридцать два, а её до сих пор, если не за школьницу, так за студентку принимают. И Лера самой младшей в отделе считается, хотя из них шестерых, только двое старше неё. Мама тоже всегда юной выглядела, хоть и поседела рано...

* * *

В первый раз папу арестовали, когда Лера училась в пятом или шестом. Во дворе ей рассказали, что её отец – изменник Родины. Мама твердила: не верь, не верь! это ошибка! не

бойся ничего!

Лера боялась не за папу, а за маму. Она даже хотела бросить школу, чтобы не оставлять её одну. Мамины волосы стали белыми за несколько дней, сама она пожелтела и так исхудала, что страшно было смотреть. Она совсем не могла спать. Потом она не смогла ходить на работу, а потом и с постели не вставала.

Приехал из Воркуты дядя Валентин, мамин брат. Он с трудом добился, чтобы ей дали на работе отпуск: отпуск не давали – не по графику, больничный тоже – диагноза нет, собирались уволить за прогулы.

Их соседка по квартире, баба Марина, старая балерина на пенсии, не отходила от мамы и терпеливо, по капле, вливала в неё морковный сок и куриный бульон.

По вечерам приходил возбуждённый дядя Валентин, садился около маминой постели, гладил её по белым волосам и говорил: всё отлично, Малыш, они подавятся собственным лаем! Скоро Сашку отпустят, ты должна привести себя в норму, а то он испугается, и убежит назад. Дядя Валентин натянуто смеялся, а мама смотрела в потолок.

Через месяц с лишним папу отпустили, не сумев ничего доказать. Теперь уже он не отходил от мамы, которая, казалось, впала в беспробудный сон.

А потом они снова зажили прежней счастливой жизнью, и Лере стало казаться, что всё это было просто наваждением.

Родилась Катька, а мама так и осталась худенькой смешливой девушкой. И никому бы в голову не пришло, что ей уже сорок и что она одной ногой стояла за чертой жизни – если бы не седые волосы.

Когда папу опять арестовали, мама перенесла всё не так тяжело. То ли она была готова к повторению, то ли пятилетняя очень живая и забавная Катька не давала ей замкнуться на своём горе.

Снова приехал дядя Валентин.

С рождением Катьки трёхкомнатная квартира стала полностью принадлежать их семье, а баба Марина, которая жила теперь в соседней, по-прежнему была своим человеком.

В день, когда огласили приговор, дядя Валентин сжёг свой диплом журналиста, который получил на одном с папой факультете. Он сказал: пусть горит синим пламенем эта бумажка, если она обязывает меня лгать! – и поехал назад, в Воркуту, уже за папой, которого выслали туда на три года.

Несколько раз в год дядя Валентин приезжал в Ленинград, привозил от папы письма и какие-то тетради. Но их Лера с Катькой прочли гораздо позже.

За год до окончания срока папе добавили шесть лет "за антисоветскую агитацию", "за неповиновение власти" и что-то ещё.

Мама поехала с Катькой в Воркуту, но не прожила там и года. На работу её не брали, поскольку в характеристике

было указано, что её муж осуждённый антисоветчик. Если на дядину зарплату пожарника и разовые заработки грузчика прожить было можно, то зима в полуразвалившемся бараке и Каткино воспаление лёгких, которое длилось два месяца, заставили маму вернуться.

Перед самым освобождением папу избили и через неделю он умер. Мама оглохла, онемела, превратилась в тень, и не прожила года.

Дядя Валентин присылал деньги, иногда приезжал. Постаревший, иссохший. Лера знала, что он пьёт, но в Питере он держался. Потом мрачнел, чернел и снова уезжал.

Однажды Лера получила от него перевод на одну тысячу двести пять рублей, а следом – бандероль. В ней был изрядно потрёпанный пёстрый шарф, который мама вязала ему давным-давно, и письмо. В письме дядя Валентин писал, что отправляется к маме с папой, а им с Каткой желает дожить до свободы; что-то о красотах Севера и гармонии сотворённого Богом мира – всё это в таком тоне, словно он уходит в весёлое увлекательное плаванье, ещё более весёлое, чем прожитая им жизнь. В конце была приписка о том, что Лере нужно позвонить по такому-то номеру, назвать фамилию, а письмо немедленно сжечь.

Лера ничего не сказала Катке, оставила её на бабу Мари-ну и поехала в Воркуту. Разыскала могилу дяди Валентина, привела её в божеский вид и даже сумела раздобыть кусок

гранита, на котором кладбищенский служитель сделал подobaющую надпись. Когда он спросил, выбивать ли крест, Лера подумала и сказала – да. И тут же решила, что, вернувшись в Питер, пойдёт в церковь и попытается выяснить – есть ли на свете Бог? И, если ей удастся наладить с Ним отношения, она обязательно спросит Его: за что всё это – маме, папе, дяде Валентину?

Вернувшись, она так и сделала. Но задавать Богу вопросы у неё уже не было желания. Она просто приходила в церковь и стояла там подолгу – без мыслей, без слов. Иногда ей начинало казаться, что её душа выпархивает на время и улетает куда-то, чтобы там пообщаться с ушедшими близкими, и даже с ангелами, и даже с Самим Богом – тоже без слов. Баба Марина не одобряла её нового пристрастия и долго не хотела давать старую Библию, о которой однажды проговорила Лере, но потом дала со словами: детка, это же опиум, не задурмань свою светлую головку!

Ещё Лера позвонила по указанному номеру и представилась. Тихий мужской голос спросил Лерин телефон и сказал, что перезвонит. Через несколько месяцев раздался звонок...

* * *

Катка! Лера вскочила с кресла и кинулась в прихожую. В дверях стояла баба Марина.
– Детка моя, что случилось? Ты что напуганная? – У неё был бархатный грудной голос.

– Здравствуйте, Бабмарина! Катьку жду. Думала, она. Я, видно, задремала в кресле, вот и перепуганная. Заходите.

– Я на минуточку. Нет ли у тебя, Лерочек, молочка капельки?

– Заходите же! Есть.

– А то я нынче в гастроном ещё не спускалась, а мой Додо на меня сердится.

Додо – так звали огромного рыжего кота. Всех котов, живших когда-либо у бабы Марины, звали Бегемотами. Но с лёгкой Катькиной руки, которая не смогла выговорить слишком громоздкое имя, прижилось это короткое.

– Возьмите пакет.

– Ну нет, пакет – это слишком много... Хотя, если он у тебя совершенно лишний?..

– Совершенно лишний! Пройдите же!

– Нет, теперь я пойду. Покормлю Додо. А зайду попозже, Катеринку посмотреть, девочку мою. – Её колыбельный голос задрожал, а глаза покраснели и заблестели. – Спасибо, детка, я верну.

– Ну что Вы, Бабмарина! Напоите Додо и приходите.

– Приду, детка, приду. – И она удалилась своей воздушной походкой, будто ступала по облакам.

Скоро девяносто лет этой женщине, ровеснице века, пережившей три войны и потерявшей в блокаду мужа и двоих поздних сыновей, которых родила погодками в сорок лет, как только перестала танцевать. Как она стерпела всё это?..

Может потому, что в Бога не верит – пенять не на кого – жизнь такая, судьба, у всех так... Понадеялась бы на Все-вышнего – а Он взял, да подвёл, извелась бы, сетуя на Него да на себя за то, что не в то верила, не на то надеялась. А может, всё наоборот: верила бы, просила... как там? – спаси и сохрани – Он бы и спас... Господи! Есть ли Ты? Ну не может же человечество так долго верить в то, чего нет. Помоги мне узнать Тебя, Господи! И ещё: спаси и сохрани...

Снова звонок.

На этот раз – точно она!

Нет. Это была соседка бабы Марины в своей неизменной полосатой пижаме.

– Доброе утро, Лорочка.

Пять лет уже не может уяснить, что между именами Лора и Лера есть небольшая разница.

– Здравствуйте, Нина Андреевна.

Поскольку та стояла и молчала, беззастенчиво заглядывая в квартиру, Лере пришлось спросить:

– Вы что-то хотели?

– М-м-м... Я хотела спросить... – Её шея сейчас станет, как у жирафа, и я прищемлю её дверью, подумала Лера. – Я хотела спросить, где это вы покупали молоко в пакетах? Ведь это от вас давеча Марина Леонардовна пакет принесла? – Она продолжала тянуть шею и страшно жеманничала в своей обычной манере.

– В нашем гастрономе.

– Да что вы говори-и-ите?.. Значит, опять стали в наш возить. О-о-очень хорошо... А то приходится невесть откуда тащить. А в буты-ы-ы-лках, знаете, так неудобно-о-о-бно...

Дать что ли и ей пакет?

Соседка мялась на пороге и ждала приглашения. Но Лера деликатно отмалчивалась, и той пришлось раскланяться.

– Спасибо, Лорочка.

– До свидания, Нина Андреевна! – Принцесса-пекинесса, Пижама Полосатовна, хотелось добавить Лере. Эти прозвища, данные ей Катькой, здорово подходили вечно заспанной, всклокоченной, с приплюснутой физиономией соседке бабы Марины.

Баба Марина звала её Нинон. Когда она рассказывала что-нибудь из жизни своей квартиры, Катька визжала, а та недоумевала: ну что же тут смешного, детка?

Звонок. Если и на этот раз не Катька, Лера просто сойдёт с ума.

На пороге стоял долговязый мужчина с огромным плоским свёртком и растерянно улыбался.

Лера не успела ни сойти с ума, ни разозлиться. Снизу раздался Катькин голос:

– Валерка, это я!

А это – её муж, решила Лера.

– Здравствуйте. – Сказал долговязый. – Можно занести?

– Здравствуйте, заносите.

Он вошёл, и Лера увидела на нижней площадке свою сестру, волокущую по ступеням большущий старинный чемодан с медными углами. Лера бросилась ей помогать, но подоспел долговязый, как пушинку, поднял его и по-свойски понёс в квартиру.

Катька набросилась на Леру, пытаясь обнять её. Мешали этюдник и раздутая сумка, повешенные крест-накрест на плечи.

– Валерка! – Катька скулила, словно резвящийся щенок, и всё норовила заграбастать Леру в свои объятия. – Что я тебе скажу!

Точно, мужа с собой привезла...

В этой возне у Катькиной торбы оборвался ремень, она запнулась за упавшую сумку, больно придавила Леру болтающимся этюдником, они обе чуть не грохнулись на рыжий чемодан, но тут их подхватил Катькин муж.

Лера стала извиняться, а Катька, согнувшись пополам от смеха, простонала:

– Лер, дай три рубля.

Когда Лера вынесла в прихожую три рубля, долговязого уже не было, а Катька скакала вокруг бабы Марины, пытаясь стащить с себя этюдник и запутавшись в его ремнях:

– Баба Мариночка! Додоша!

Лерин вестибулярный аппарат немедленно напомнил ей о своём несовершенстве – её укачало.

В дверях соседней квартиры стояла Пижама.

– Ах, Лорочка, у вас преле-е-стная сестричка. Здравствуйте, Катюша.

Но Катюша не слышала – она тискала Бабу Марину и го-лосящего басом, вырывающегося Додо.

Ну вот и вернулось милое моё землетрясеньице! Ждали – извольте.

* * *

Катка свернулась в кресле и едва не мурлычет от удовольствия. Раскраснелась после ванны и Чу-Мая. Её тёмно-песочные волосы, подсыхая, закручиваются в крупные кольца – прадедово наследство. И глаза – серые с фиалковым оттенком, его же – мерцают лукаво и загадочно. Дедушка, папин папа, как только внучку увидел, сказал: батины глаза, буря будет, а не девка!

И вот сидит эта буря с блаженной физиономией. За прошедшие два часа она успела нареветься, насмеяться, назадавать кучу вопросов, ни на один не выслушав ответа, и не ответив толком ни на один Лерин.

Единственное, что Лере удалось выяснить достоверно, что долговязый – вовсе не её муж, а просто таксист, оказавшийся соседом по дому. Он улизнул, не взяв три рубля, по-

сколько ещё по дороге сказал, что с удовольствием выполнит благотворительный рейс в пользу нищих свободных художников. Правда, недолгими попутчиками у неё были двое азиатов с дынями в соломенных оплётках, которые вышли у гостиницы в центре, дали десятку «без сдачи» водителю за работу и дыню Катьке. За красивые глаза, разумеется.

А глаза эти уставились на телефонный аппарат...

* * *

Пурпурный сафьян. Гранатовые бусины.

Пламя свечи.

Виолончель самозабвенно ведёт свою партию.

*Вдруг на самом взлёте, неожиданно, но в лад,
с той же страстью вступает флейта.*

На миг виолончель смешалась.

*Но лишь на краткий миг,
как бы забыв, что играет дуэт.*

Белая атласная лента.

порывом ветра брошена на сафьян.

На неё скатилось несколько жемчужин.

– Валер... – Глаза под пушистыми ресницами засверкали. – Валер, я остаюсь... В Питере.

Лера сплюнула три раза через левое плечо, постучала по деревянному подлокотнику и встала.

– Пойду поставлю чай.

Катька пружинной взвилась с кресла и закружилась по комнате.

– Я остаю-у-у-усь в родном Петербу-урге-е, мне так надое-е-ело уже кочева-а-ать... – Получалось нечто вроде романса. – Лер! Ты слышала? – Она пропела снова эту фразу, задумалась ненадолго, замерев на одной ноге и раскинув руки, и продолжила: – Детей нарожа-а-аю я целую ку-у-учу, – опять замерла на миг, – и буду борща-а-ами муженька ублажа-а-ать... Ля-ля-ля-ля-ля-а-а-ля...

Господи, ты услышал меня!.. – Только и подумала Лера.

– Валер, иди сюда!

Катька сидела в своей комнате у раскрытого чемодана и выворачивала из него содержимое: свёртки, книги, несколько каких-то камней:

– Смотри, какая красота!

На дне лежали листы картона с этюдами.

– Ой, чуть не забыла! – Она полезла рукой под картонки, пошарила там и достала газетный свёрток. – Внимание! – Взялась за угол, взмахнула рукой, и из свёртка выпорхнули сиреневые бумажки.

Лера не сразу сообразила, что это.

– Здесь – тыща. Без одной бумажки.

Это были четвертные.

– Катька, ты ненормальная! Это ты вот так через полстраны везла тысячу?!

– Вот ещё! Везли паровозики, а таскали джентльменчики.

– А из Москвы? Ты что, в багаж так и сдавала?..

– Из Москвы я тоже на паровозике. Я остаю-у-усь...

– А в телеграмме – прилетаю...

– Ты, Валерка, всё слишком буквально понимаешь. Я на крыльях счастья летела, а ты – самолёт... Я остаю-у-усь в родном Петербу-у-урге... – Она кружилась, вальсируя, по шелестящим бумажкам, словно это были опавшие листья.

– Кать, давай соберём.

– Успеем. Можно подумать, у тебя всю жизнь полы были устелены деньгами. Ля-ля-ля-ля-а-аля...

– А кому ты собираешься нарожать кучу детей?

Катька вскочила на тахту, задрала полы махрового халата:

– Да разве с таки-и-ими траля-ля нога-а-ами я мужа себе-е-е тря-ля-ля не найду-у-у?..

Вдруг она осела, замолчала и словно увяла. Послышалось всхлипывание.

Вот так всегда. Лера подошла к ней и погладила её по голове.

– Ну что ты, Катюш?..

Раздался телефонный звонок. Катька вскочила, как от удара током. Широко раскрытыми зарёванными глазами, приоткрыв рот, она смотрела в дверь на телефонный аппарат, висевший в прихожей на стене.

Лера сняла трубку.

– Да? ... Сонечка, привет! ... А что такое? ... Ой! Прости, запаматовала, поздравляю! ... Ну разве так можно – врас-

плох? ... Нет, не смогу, Катька прилетела, то есть, приехала... Завтра? ... Хорошо, завтра на обедки! ... С Катькой. ... Хорошо, Сонечка. Спасибо. Всем привет. ... До завтра.

Катька уныло сметала в кучу деньги носком тапка.

– Сколько нашей Сонечке? Ах да, мы же ровесницы. У неё по-прежнему двое? Или четверо уже?

– Пойдём чай пить.

Катька остановилась в прихожей перед зеркалом. Долго рассматривала и растягивала лицо. Потом взяла Лерину помаду, нарисовала себе рот от уха до уха и два пятна на щеках. Села на тумбочку, свесив руки между колен.

– Лер... Гарри Анатольевич не звонил?

– Что ты говоришь? – Крикнула Лера из кухни, хотя прекрасно слышала вопрос.

– Да так, ничего.

– Чай где будем пить, Катюш?

– Можно на кухне.

– Тогда неси бутерброды.

Катька потащила в комнату. В прихожей она вдруг хлопнула себя по лбу.

– Лерка! Что я привезла! Чуть не забыла!

Через некоторое время она появилась в дверях с бутылкой вина и тарелкой с бутербродами. В этот миг раздались первые аккорды пинкфлойдовского "Вишь ю..."

Катька, забыв про свою размалёванную физиономию, рас-

сказывала:

– Где, ты думаешь, я ЭТО взяла? – И дальше, перебивая саму себя. – Я оформляла клуб геологам. Под Красноярском... Я, кстати, там и тыщу заработала... Там дед был. Ой, он, конечно, не дед, но так его все зовут – дед Бен, В смысле – Вениамин... Лерка! У него глаза!.. Ладно, потом... Так вот, у них в этом клубе был Новогодний бал. Меня – умрёшь! – Снегурочкой сделали. А деда Бена – естественно, Дедом Морозом... Они мне, между прочим, и за этот бал заплатили – довольные были!.. Я им ещё галерею их портретов сделала. Тридцать восемь человек! Представляешь? И за них хотели заплатить. Но я не взяла... Так они, когда я уезжала, мне провизию всякую совали: сгущёнку, тушёнку... Но я же не вол. Там в сумке, или в чемодане что-то лежит... Ой! А о чём это я тебе?.. А! Я говорю им: не нужны мне сокровища земные, подарите мне одну пустяковину. А дед Бен сразу: стоп, Котик! – он меня Котиком звал – я щас, говорит. И приносит мне... Свою любимую. Запиленная, правда, но – фирмá! Я говорю: дед Бен, а что ж вы слушать будете?.. Он пил раньше страшно, от семьи ушёл... Я тебе потом расскажу... и вдруг раз! – и бросил. А как крутить его начинает – идёт в рубку и Пинк Флойд ставит, раз за разом, раз за разом... А он мне говорит: найдём, Котик, что-нибудь, найдём... Лерка! Какие у него глаза!.. А ты где Рабингранат нашла?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.